

Голубинский Е. Е. К нашей полемике со старообрядцами: (Ответ на статью свящ. С. Ледовского «О грековосточном православии», помещенную в «Братском слове») // Богословский вестник 1895. Т. 2. № 4. С. 141–159 (2-я пагин.).

Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами *).

О происхожденіи раскола старообрядства.

Отвѣтъ на статью свящ. С. Ледовскаго: „О грековосточномъ православіи“, помѣщенную въ „Братскомъ Словѣ“.

Но скажутъ, что я на самомъ дѣлѣ примкнулъ къ расколотымъ учителямъ, въ чемъ обвиняетъ меня о. Ледовскій: какъ же я говорю, что у дониконовскихъ русскихъ существовало убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, когда имѣются совершенно ясныя свидѣтельства, что вплоть до самаго Никона русскіе смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на неизмѣнно и вполне сохраняющихъ чистоту православія древнихъ грековъ? Дѣйствительно, имѣются такія свидѣтельства и суть двухъ родовъ: читаемыя въ книгахъ и состоящія въ дѣйствіяхъ. Что касается до свидѣтельствъ, читаемыхъ въ книгахъ, то въ Большомъ катихизисѣ, правленномъ и напечатанномъ въ Москвѣ при патр. Филаретѣ въ 1627-мъ году, въ Извѣстіи о началѣ патриаршества въ Россіи, составленномъ при томъ же патриархѣ въ неизвѣстномъ году, въ такъ называемой Кирилловой книгѣ, напечатанной въ Москвѣ при патр. Іосифѣ въ 1644-мъ году и въ Книгѣ о вѣрѣ, напечатанной въ Москвѣ при томъ же патриархѣ въ 1648-мъ году, читаются совершенно ясныя свидѣтельства, что греки и до сего времени цѣлу и нерушиму сохраняютъ вѣру, — въ Большомъ катихизисѣ ¹⁾, Извѣстіи о началѣ

*) Окончаніе. См. мартовскую книжку „Богосл. В—ка“.

¹⁾ Раскольничьей редакціи гл. 4, вопросъ послѣдній, Гродненск. четверточн. изд. л. 26.

патріаршества ¹⁾ и въ Кирилловой книгѣ ²⁾ краткія, а въ Книгѣ о вѣрѣ ³⁾ очень пространное и обстоятельное. Свидѣтельства, состоящія въ дѣйствіяхъ, суть слѣдующія: царь Иванъ Васильевичъ въ 1557-мъ году обращался къ константинопольскому патріарху съ просьбою о соборномъ благословеніи его царскаго вѣнчанія; задумавъ учредить у себя патріаршество, русскіе искали благословенія на сіе у греческихъ патріарховъ, первый патріархъ русскій поставленъ былъ руками константинопольскаго патріарха Іереміи и потомъ патріаршество наше утверждено было двумя греческими соборами; патр. Филаретъ Никитичъ поставленъ былъ іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ и потомъ обращался ко всѣмъ патріархамъ съ вопросомъ о словѣ: „и огнемъ“; патр. Іосифъ, предшественникъ Никона, обращался къ константинопольскому патріарху за разрѣшеніемъ нѣсколькихъ церковныхъ вопросовъ. Какъ же понимать эти совершенно ясныя свидѣтельства, что вплоть до самаго Никона русскіе смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на неизмѣнно и вполне сохраняющихъ чистоту православія древнихъ грековъ?

Положимъ, что свидѣтельствамъ принадлежало бы все ихъ значеніе: вытекало ли бы изъ нихъ то слѣдствіе, что мое требованіе измѣнить постановку полемики съ старообрядцами неосновательно? Нисколько, напротивъ требованіе вполне сохраняло бы свою силу. Признавая за свидѣтельствами все ихъ значеніе, мы имѣли бы: съ одной стороны, въ Преніи съ греками о вѣрѣ Арсенія Суханова несомнѣнное и совершенно ясное свидѣтельство, что дониконовскіе русскіе смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ какъ на утратившихъ чистоту православія древнихъ грековъ; съ другой стороны, въ сей-часъ указанныхъ нами свидѣтельствахъ несомнѣныя и совершенно ясныя свидѣтельства, что вплоть до самаго Никона русскіе смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на неизмѣнно и вполне сохраняющихъ чистоту православія древнихъ грековъ. Т. е. имѣли бы объ одномъ и томъ же двой-

¹⁾ Дополн. къ Акт. Ист. т. II, № 76, стр. 191, col. 2.

²⁾ Гродненск. изд. лл. 27 об., 28 об. и 29 об. (рѣчи неварочныя, хотя впрочемъ и ясныя).

³⁾ Главы книги 1-я и 2-я и отчасти 18-я и 19-я (прямая рѣчи именно о неповрежденности православія у позднѣйшихъ грековъ въ гл. 1-й лл. 10 об., 11 об., 12 и об. 13—15, и въ гл. 2-й, лл. 27 об.—29 об.).

одинаково несомнѣнные и совершенно ясныя, но діаметрально противоположныя, свидѣтельства; иначе сказать—имѣли бы такія противоположныя свидѣтельства, которыя необходимо было бы примирять (такъ какъ ни одного свидѣтельства ни другихъ свидѣтельствъ, принимая одно и другія за свидѣтельства несомнѣнныя, нельзя было бы отвергать). Но какъ же можно было бы примирить свидѣтельства? Единственная возможность примирить свидѣтельства состояла бы въ томъ, чтобы допустить, что предъ вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона были, съ одной стороны, такіе русскіе, которые смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на утратившихъ чистоту православія древнихъ грековъ, а съ другой стороны — такіе русскіе, которые смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на неизмѣнно и вполнѣ сохраняющихъ чистоту православія. А если это такъ, то и при условіи признавать все значеніе свидѣтельствъ, которыя говорятъ, что вплоть до Никона русскіе смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на неизмѣнно и вполнѣ сохраняющихъ чистоту православія древнихъ грековъ, наше требованіе измѣнить постановку полемики съ старообрядцами оставалось бы въ своей полной силѣ. Составляло бы несомнѣнный фактъ, что предъ вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона были у насъ въ томъ или другомъ количествѣ люди, которые смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на утратившихъ чистоту православія древнихъ грековъ; по сказанному выше, необходимо было бы принимать, что лица возставшія противъ исправленія Никонова или расколоучители были изъ числа этихъ людей: а такимъ образомъ и являлась бы необходимость доказывать, что лица, возставшія противъ исправленія Никонова или расколоучители совершенно несправедливо смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на утратившихъ чистоту православія древнихъ грековъ.

Итакъ, говоримъ, пусть существующія свидѣтельства о томъ, что русскіе вплоть до патр. Никона смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на неизмѣнно и вполнѣ сохраняющихъ чистоту православія древнихъ грековъ, имѣли бы все свое значеніе: наше требованіе измѣнить полемику съ старообрядцами указаннымъ выше образомъ и при этомъ оставалось бы въ своей полной силѣ. Но несомнѣнно, что свидѣтельства не имѣютъ усвояемаго имъ значенія дѣйстви-

тельныхъ свидѣтельствъ и что все дѣло должно быть представляемо именно такъ, какъ я его представляю въ моихъ статьяхъ: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“. Первое сейчасъ я и покажу, а для чего это сдѣлаю, о томъ скажу ниже.

Преніе съ греками о вѣрѣ Арсенія Суханова содержитъ въ себѣ совершенно и безспорно ясныя свидѣтельства, что въ то время, какъ вести споры съ греками, или въ 1650-мъ году, Сухановъ держался твердаго убѣжденія о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ (вполнѣ признающимъ это, какъ видѣли мы, долженъ быть считаемъ и редакторъ Братскаго Слова, который говоритъ, что свидѣтельство Повѣсти о бѣломъ клубкѣ, читанной Сухановымъ грекамъ, „дѣйствительно вполнѣ благопріятствуетъ раскольничьему мнѣнію о греческой церкви“). Но въ то время, какъ спорить съ греками о вѣрѣ, Сухановъ былъ официальнымъ представителемъ русскаго правительства и спорилъ какъ таковой представитель правительства, а записку свою о спорахъ онъ составилъ именно для правительства и представилъ сему послѣднему. Не слѣдуетъ ли изъ этого съ необходимостію того заключенія, что правительство было одного убѣжденія съ Сухановымъ о позднѣйшихъ грекахъ или иначе—что убѣжденіе это было общимъ убѣжденіемъ тогдашнихъ русскихъ? Не имѣя предзанятыхъ мыслей, вы, конечно, отвѣчали бы на вопросъ утвердительно; а имѣя эти предзанятые мысли, вы, можетъ быть, отвѣтите, что указаннаго съ необходимостію еще не слѣдуетъ, а слѣдуетъ только то, что Сухановъ считалъ правительство согласнымъ съ собой относительно мнѣнія о позднѣйшихъ грекахъ. Если это такъ, то должно быть сказано, что помянутое заключеніе съ необходимостію слѣдуетъ изъ дальнѣйшаго поведенія правительства по отношенію къ Суханову. Будь правительство несогласно съ Сухановымъ относительно мнѣнія о позднѣйшихъ грекахъ, оно должно было бы увидѣть въ тѣхъ рѣчахъ, которыя адресоваль Сухановъ патр. Пансію и его спутникамъ въ спорахъ съ ними, тяжкое оскорбленіе грекамъ,—ибо развѣ это было не тяжкое оскорбленіе говорить людямъ, что они уже не держатъ той вѣры, которая отъ Сіона изыде, а только на словахъ увѣряють, будто держать? — и должно было подвергнуть

его (Арсенія) своему строгому наказанію и отстранить его отъ исполненія порученія, которое на него возложило. Но па дѣлѣ ничего подобнаго не случилось. Представивъ правительству свою записку о спорахъ съ греками, Сухановъ вовсе не навлекъ на себя его гнѣва, а напротивъ вполне сохранилъ его благорасположеніе и по прежнему оставленъ былъ исполнять порученіе, которое было на него возложено.

Какъ извѣстно, расколоучители укоряли Никона, что до патріаршества онъ самъ былъ одного съ ними мнѣнія о грекахъ и самъ многократно говорилъ имъ, что греки потеряли вѣру ¹⁾. И что укоръ этотъ былъ справедливъ, т. е. что Никонъ первоначально предъубѣжденъ былъ противъ грековъ вмѣстѣ со всѣми, а потомъ перемѣнилъ свое мнѣніе о нихъ, въ слѣдствіе чего и предпринялъ свое исправленіе, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Объ его первоначальномъ вмѣстѣ со всѣми предъубѣжденіи противъ грековъ свидѣтельствуетъ то, что много времени послѣ перемѣны имъ взгляда на нихъ предъубѣжденіе это всплыло изъ глубины его души, гдѣ оно было погружено и погребено. Когда въ 1667-мъ году судили его греческіе патріархи и въ осужденіе его поступковъ ссылались на правила Кормчей, онъ отвѣчалъ, что правилъ, на которыя ссылались, въ русской Кормчей нѣтъ, а греческія правила непрямыя, что ихъ патріархи отъ себя написали, а печатали ихъ еретики ²⁾. Даже иностранецъ, бывшій въ Россіи въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, знаетъ и сообщаетъ о похвальбѣ русскихъ, что они заимствовали вѣру отъ старыхъ грековъ, и даетъ знать объ ихъ предъубѣжденіи противъ новыхъ грековъ тѣмъ, что этимъ послѣднимъ усвоить взглядъ на нихъ самихъ (русскихъ), какъ на раскольниковъ ³⁾. Но наконецъ, если бы мы и не имѣли свидѣтельствъ, изъ которыхъ само собою слѣдуетъ или въ которыхъ прямо говорится, что убѣжденіе относительно позднѣйшихъ грековъ, будто они отступили отъ чистоты православія древ-

¹⁾ См. у *преосв. Макарія* въ Исторіи русской церкви, т. XII, стр. 215.

²⁾ См. у *Соловьева* въ Ист. т. т. XI, 2-го изд. стрр. 323 и 324, у *преосв. Макарія* въ Ист. русской церкви т. XII, стрр. 734 и 735, и у *Субботина* въ сочиненіи: Дѣло патріарха Никона стр. 167.

³⁾ Адамъ Олеарій, см. русскій переводъ его путешествія въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1868 г., кн. IV, стр. 387.

нихъ грековъ, было общимъ убѣжденіемъ дониконовскихъ или передниконовскихъ русскихъ: то необходимо было бы предполагать это на основаніи той разности, которая была у нихъ съ греками въ церковныхъ обычаяхъ, и на основаніи того взгляда, который они имѣли на эту разность, или того значенія, которое они придавали послѣдней. Стоглавый соборъ узаконилъ, чтобы для крестнаго знаменія употребляемо было двоеперстіе, а относительно троеперстія изрекъ: „аще ли кто двѣма персты не воображаетъ крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ, святіи отцы рекоша“, т. е. провозгласилъ его за ересь. Стоглавый соборъ узаконилъ, чтобы употребляема была сугубая аллилуія, а трегубую аллилуію прямо назвалъ латинскою ересью. Согласно узаконенію Стоглаваго собора дониконовскіе русскіе употребляли двоеперстіе и сугубую аллилуію, а въ троеперстіи и трегубой аллилуіи видѣли ереси; въ то же время они знали о грекахъ, что эти послѣдніи употребляютъ троеперстіе и трегубую аллилуію, которыя были принимаемы ими за ереси: какъ же иначе могли и должны были они смотрѣть на современныхъ имъ грековъ, какъ не на людей, утратившихъ чистоту православія древнихъ грековъ? Но послѣ Стоглаваго собора двоеперстіе и сугубая аллилуія стали общепринятыми у русскихъ, какъ узаконенныя самою властію русской церкви; а слѣдовательно и взглядъ на позднѣйшихъ грековъ, какъ на отступившихъ отъ чистоты православія древнихъ грековъ, долженъ былъ стать общимъ взглядомъ русскихъ. А если бы кому подумалось, что отъ Стоглаваго собора до патр. Никона прошло много времени и что-де постановленія собора могли быть заботы: тому мы напомнимъ, —отмѣчая напомниманіе, такъ сказать, „нотой бене“, что именно въ правленіе предшественника Никонова патр. Іосифа приняты были церковною властію парочитыя и усердныя старанія, чтобы окончательнымъ образомъ ввести въ силу постановленіе собора относительно двоеперстнаго крестнаго знаменія.

На основаніи сейчасъ сказаннаго нами должно быть принимаемо за несомнѣнную истину то, что мнѣніе о позднѣйшихъ грекахъ, какъ объ утратившихъ будто бы чистоту православія древнихъ грековъ, было у дониконовскихъ русскихъ общепринятымъ мнѣніемъ. Если же это такъ, то

очевидно, что и относящіяся къ дониконовскому времени ясныя свидѣтельства о неповрежденности православія у позднѣйшихъ грековъ нужно понимать какъ нибудь особеннымъ образомъ, не придавая имъ значенія дѣйствительныхъ свидѣтельствъ. Иначе выходило бы нецрипримимое противорѣчiе, что въ одно и тоже время русскіе и считали и не считали позднѣйшихъ грековъ утратившими чистоту православія древнихъ грековъ. Какъ же можно и нужно понимать свидѣтельства? Мы сказали выше, что свидѣтельства, читаемыя въ книгахъ, находятся въ Большомъ катихизисѣ, въ Извѣстii о началѣ патріаршества въ Россii, въ такъ называемой Кирилловой книгѣ и въ Книгѣ о вѣрѣ. Три книги изъ четырехъ сейчасъ названныхъ — Большой катихизисъ, Кириллова книга и Книга о вѣрѣ, какъ всякій знаетъ, представляютъ собою книги чрезвычайно уважаемыя раскольниками, составляютъ, такъ сказать, ихъ каноническія книги. Не видитъ ли читатель, что выходитъ нѣчто весьма странное и загадочное: раскольники проповѣдуютъ относительно позднѣйшихъ грековъ ученіе, противъ котораго читаются ясныя свидѣтельства въ ихъ каноническихъ книгахъ, или наоборотъ — раскольники считаютъ своими каноническими книгами такія книги, въ которыхъ читаются ясныя свидѣтельства противъ ихъ ученія о позднѣйшихъ грекахъ. Что же можетъ быть отвѣчаемо на вопросъ объ этой странности и загадочности? Можетъ быть отвѣчаемо то, что хотя свидѣтельства читаются и въ московскихъ книгахъ, но онѣ суть не московскія свидѣтельства, а бѣлорусскія или южно-русскія, кievскія. Названныя книги, какъ извѣстно, южно-русскаго происхожденія. Въ южной или кievской Руси, представлявшей собою въ отношеніи къ характеру религиозныхъ воззрѣній, — разумѣемъ именно воззрѣнія на обрядовую сторону вѣры, нѣчто совсѣмъ особое отъ московской Руси, вовсе не слагалось московскаго убѣжденія о позднѣйшихъ грекахъ, какъ объ утратившихъ будто бы чистоту православія древнихъ грековъ, а между тѣмъ тамъ, защищая позднѣйшихъ грековъ отъ навѣтовъ и клеветъ на нихъ со стороны латинянъ, имѣли нужду защищать неповрежденность ихъ православія, почему въ тамошнихъ книгахъ и обычны были рѣчи объ этой неповрежденности. Такъ, въ помянутыхъ книгахъ читаются

рѣчи о неповрежденности православія у позднѣйшихъ грековъ, потому, что онѣ суть южно-русскія книги, а остались въ нихъ эти рѣчи и по московскимъ ихъ изданіямъ лишь потому, что московскіе издатели не хотѣли и не отваживались дѣлать въ нихъ надлежащихъ выпусковъ и воспроизводили ихъ, какъ есть, даже и съ тѣмъ, что говорило противъ нихъ самихъ. Книги чрезвычайно уважаются раскольниками за то, что въ нихъ читается предписаніе, слагать персты для крестнаго знаменія двоеперстно. Но если въ книгахъ читается это предписаніе, то несомнѣнно, что московскіе издатели ихъ смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на утратившихъ чистоту православія древнихъ грековъ, ибо на Москвѣ, усвоивъ догматическое значеніе тому или иному сложенію перстовъ для крестнаго знаменія, смотрѣли на троеперстіе, которое содержали эти греки, какъ на ересь. А такимъ образомъ, относительно рѣчей о неповрежденности православія у позднѣйшихъ грековъ, которыя воспроизводятся въ московскихъ изданіяхъ трехъ книгъ, нужно думать, что или московскіе русскіе, не дерзая посягать на нихъ, не усвоили имъ никакого смысла и смотрѣли на нихъ какъ на нѣчто чужое и до нихъ самихъ (московскихъ русскихъ), такъ сказать, не касающееся, или же— что они усвоили имъ смыслъ только условный, считая позднѣйшихъ грековъ хранящими православіе потолику, поколику они сверхъ настоящихъ догматовъ вѣры не расходились съ нами въ чинахъ и обычаяхъ церковныхъ. Что рѣчи южно-русскихъ книгъ о неповрежденной цѣлости православія у позднѣйшихъ грековъ въ московскихъ изданіяхъ этихъ книгъ не имѣютъ своего подлиннаго смысла, а или только смыслъ неизмѣннаго, цѣлостнаго, воспроизведенія оригинала, или сейчасъ указанный смыслъ условный, это, кромѣ того, что въ противномъ случаѣ являлось бы непримиримое противорѣчіе съ положительно извѣстнымъ фактомъ, что московскіе русскіе держались твердаго убѣжденія о поврежденности чистоты православія у позднѣйшихъ грековъ, а также и сейчасъ указанное внутреннее непримиримое противорѣчіе въ самыхъ книгахъ, видно еще и изъ тѣхъ, относящихся къ данному вопросу, частныхъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о московскихъ редакторахъ и издателяхъ южно-русскихъ книгъ. Московскіе редакторы Большаго катихи-

зиса, книжные справщики, Богоявленскій игумень Илія и Григорій Онисимовъ оставили неприкосновенными въ катихизисѣ слова о грекахъ его автора, Лаврентія Зизанія: „начало вѣрѣ Христовѣ отъ Іерусалима, идѣже и до сего времени греки цѣлу и нерушиму сохраняють ея“ ¹⁾, и въ то же время говорили Лаврентію въ своемъ преніи съ нимъ: „Всѣхъ греческихъ старыхъ переводовъ (списковъ) добрыхъ правила у насъ есть, а новыхъ переводовъ греческаго языка всякихъ книгъ не приѣмлемъ, потому что греки нынѣ живутъ въ тѣснотахъ великихъ между невѣрными и по своимъ воляхъ печатати имъ книгъ не умѣтъ, и для тово вводятъ (люди?) иныя вѣры въ переводы греческаго языка, чтѣ хотятъ, и намъ такихъ новыхъ переводовъ греческаго языка не надобно, хотя что и есть въ нихъ отъ новаго обычая напечатано, и мы той новой вводъ не приѣмлемъ“ ²⁾. Въ московскомъ изданіи Кирилловой книги и Книги о вѣрѣ сохранены подлинныя рѣчи о неповрежденности православія у позднѣйшихъ грековъ, и въ то же время одинъ изъ издателей обѣихъ книгъ, извѣстный Иванъ Насѣдка, говоритъ, что „книги греческіе всѣ перепорчены въ Римѣ отъ латинскихъ еретиковъ, которые вмѣщали въ нихъ свои ереси“ ³⁾.

Четвертое книжное или письменное свидѣтельство о неповрежденной цѣлости православія у позднѣйшихъ грековъ, читаемое въ Извѣстіи о началѣ патріаршества въ Россіи, есть свидѣтельство настоящее московское. Если бы можно было положиться на его достовѣрность, то оно представляло бы собою важное свидѣтельство. Доказывало бы оно не то, что у дониконовскихъ русскихъ не существовало убѣжденія о поврежденности православія у позднѣйшихъ

¹⁾ Цитата выше.

²⁾ См. въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности *Тихомирова*, т. II, отд. II, стр. 87 стр.—Игумень Илія и Григорій Онисимовъ говорили сейчасъ приведенное нами Лаврентію Зизанію, державъ преніе съ нимъ по порученію патр. Филарета. Найдеть ли о. Ледовскій возможнымъ утверждать, чтобы они рѣшились говорить о новыхъ греческихъ книгахъ противное тому, что думалъ о нихъ патріархъ?

³⁾ См. Памятники преній о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу королевича Вольдемара и царевны Ирины Михайловны, въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1892 г., кн. II, стр. 337.

грековъ, — существованіе убѣжденія, по сказанному выше, не можетъ подлежать сомнѣнію, а то, что по временамъ и при томъ въ весьма торжественныя минуты русскіе забывали про это убѣжденіе, каковое его забвеніе не мало говорило бы противъ него. Но пока очень можно подозрѣвать, что свидѣтельство представляетъ собою позднѣйшую вставку въ Извѣстіи, ибо это послѣднее напечатано по рукописи не современной, а конца XVII вѣка, и такой, относительно которой издатели ея даютъ знать, что въ ней могутъ быть предполагаемы значительныя отмѣны противъ подлинника, распространенія и переименованія ¹⁾).

Дѣйствія, на которыя указываютъ въ доказательство того, что дониконовскіе русскіе не держались о позднѣйшихъ грекахъ убѣжденія, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, какъ я сказалъ, суть слѣдующія: царь Иванъ Васильевичъ въ 1557-мъ году обращался къ константинопольскому патріарху съ просьбою о соборномъ благословеніи его царскаго вѣнчанія; принявъ рѣшеніе учредить у себя патріаршество, русскіе искали благословенія на сіе у греческихъ патріарховъ, первый русскій патріархъ поставленъ былъ константинопольскимъ патріархомъ Іереміею и потомъ патріаршество наше было утверждено двумя греческими соборами; патр. Филаретъ Никитичъ поставленъ былъ іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ и потомъ обращался ко всѣмъ патріархамъ со спросомъ о словѣ „и огнемъ“; патр. Іосифъ обращался къ константинопольскому патріарху за рѣшеніемъ нѣсколькихъ церковныхъ вопросовъ.

Какъ же смотрѣть на этотъ новый рядъ свидѣтельствъ въ пользу того, что дониконовскіе русскіе признавали православіе позднѣйшихъ грековъ? Такъ какъ фактъ, что дониконовскіе русскіе держались о позднѣйшихъ грекахъ убѣжденія, будто они утратили чистоту православія древнихъ грековъ, по вышесказанному, есть фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію: то очевидно, что и этимъ новымъ свидѣтельствамъ не можетъ быть усвоено такого значенія, при которомъ бы онѣ оказывались въ непримиримомъ противо-

¹⁾ См. на концѣ 2-го тома Дополн. къ Акт. Ист., въ которомъ напечатано Извѣстіе, примѣч. подъ № 29, стр. 6.

рѣчи съ несомнѣннымъ фактомъ. Дѣйствительное значеніе этихъ свидѣтельствъ, при которомъ онѣ не оказываются находящимся въ непримиримомъ противорѣчіи съ несомнѣннымъ фактомъ, есть то, что хотя дониконовскіе русскіе держались убѣжденія о позднѣйшихъ грекахъ, какъ объ утратившихъ будто бы чистоту православія древнихъ грековъ, но что въ то же время они вовсе не считали ихъ за еретиковъ, а за православныхъ христіанъ, только утратившихъ чистоту древняго православія, и что какъ съ такими православными, не смотря на утрату чистоты православія сохранившими духовную благодать и юридическія права, они и продолжали находиться съ ними въ общеніи братства и братскаго младшинства и искали отъ нихъ признанія и санкціи такимъ своимъ учрежденіямъ, какъ царство и патріаршество. Православные съ поврежденною чистотою православія или православные не совсѣмъ православные, это—какъ будто нѣкоторое *contradictio in adjecto* или противорѣчіе въ сказуемомъ и нѣчто такое, что затруднится признать богословская наука. Но несомнѣнно, что это именно такъ. Съ одной стороны, русскіе держались мнѣнія о позднѣйшихъ грекахъ, будто у нихъ повреждена чистота православія, а съ другой стороны—они вовсе не считали ихъ и за еретиковъ, а за православныхъ: сложеніе въ одно мѣсто этихъ двухъ положеній, очевидно, даетъ то, что они (русскіе) считали ихъ (грековъ) за православныхъ съ поврежденною чистотою православія. Въ подтвержденіе возможности такого взгляда со стороны русскихъ на грековъ я указывалъ въ моей статьѣ: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“, въ которой говорю объ этомъ, на то, что именно такимъ образомъ начали смотрѣть русскіе на грузинъ, когда въ концѣ XVI вѣка вступили съ этими послѣдними въ церковныя сношенія. Они признали и признавали грузинъ православными, но, находя у нихъ многія разности съ собой въ чинахъ, обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ, признали ихъ православными съ очень поврежденнымъ православіемъ. Патр. Іовъ, привѣтствуя митрополита грузинскаго въ своемъ посланіи къ нему, говоритъ ему, что русскіе благодатію Божіею изначала знаютъ ихъ христіанами (подразумѣвается—православными), но что нынѣ они не во всемъ исполнено христіанскую вѣру держатъ, а во многомъ съ ними—русскими

раздѣляются ¹⁾, и потомъ объ отпращеніи изъ Россіи въ Грузію прошенныхъ учительныхъ людей „для исправленія христіанскія вѣры“ пишетъ, что посылаетъ имъ „учительныхъ людей, старцовъ и священниковъ, могущихъ исторгнути у нихъ корень нечестія и возрастити плодъ благовѣрія, по истинному извѣщенію православныя вѣры истинныхъ церковныхъ преданій и просвѣтити свѣтомъ богоразумія и (дабы) единовѣрнымъ быти имъ (грузинамъ) съ ними (русскими) во благочестивой и непорочной христіанской вѣрѣ во всякомъ исправленіи по благовѣстію Христову и апостольскому ученію и по святыхъ отецъ преданію“ ²⁾. Какимъ образомъ случилось, что дониконовскіе русскіе начали смотрѣть на позднѣйшихъ грековъ, какъ на такихъ православныхъ, у которыхъ повреждена чистота древняго православія, объ этомъ я обстоятельно говорю въ моихъ статьяхъ: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“. Случилось, что русскіе разрознились съ греками въ чинахъ, обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ. Съ своей точки зрѣнія на дѣло и при своемъ мнѣніи о самихъ себѣ, русскіе поняли это такъ, что они сохраняютъ чины, обряды и обычаи неизмѣнно въ томъ правильномъ и православномъ видѣ, въ какомъ получили ихъ отъ древнихъ грековъ, а что будто позднѣйшіе греки позволили себѣ погрѣшительныя и еретическія новшества или—что тоже—большія или меньшія отступленія отъ чистоты православія древнихъ грековъ. Насколько греки были согласны съ нами въ вѣрѣ, настолько, по мнѣнію предковъ нашихъ, были они православны, и насколько они рознились отъ насъ въ чинахъ, обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ, настолько, по мнѣнію предковъ нашихъ, была повреждена у нихъ чистота православія. Царь Иванъ Васильевичъ искалъ у константинопольскаго патріарха соборнаго благословенія своему царскому вѣнчанію; но предположите, что тотъ же патріархъ потребовалъ бы отъ него, чтобы предписанныя Стоглавымъ соборомъ двоеперстіе и сугубую аллилуію онъ замѣнилъ у себя троеперстіемъ и трегубой аллилуіей: что бы было? Несомнѣнно, что

¹⁾ См. въ Христіанск. Чтен. 1869 г., ч. II, стр. 870.

²⁾ См. въ изданіи С. А. Блюкурова: Сношенія Россіи съ Кавказомъ, вып. I-й, М. 1889 г., стр. 91—92.

онъ отказаль бы патриарху, ссылаясь на то, что русскіе приняли свои обычаи отъ древнихъ грековъ, а о современныхъ греческихъ обычаяхъ продолжалъ бы сохранять мнѣніе, которое высказаль о нихъ Стоглавый соборъ, т. е. что троеперстіе и трегубая аллилуія суть ереси или еретическія у грековъ новшества. Патр. Іовъ былъ поставленъ константинопольскимъ патриархомъ Іереміей; но въ уложенной грамотѣ объ его поставленіи и объ учрежденіи у насъ патриаршества было сказано, что „великое російское царствіе, третьей Римъ, благочестіемъ всѣхъ превзыде“, при чемъ подъ всѣми, какъ это ясно изъ контекста рѣчи, разумѣлись и греки, и причемъ подъ благочестіемъ разумѣлось не только благочестіе въ собственномъ смыслѣ слова, но и вѣра въ томъ обширномъ смыслѣ, въ которомъ говоритъ о ней патриархъ Іовъ въ приведенныхъ выше словахъ своего посланія въ Грузію.... Патр. Филаретъ былъ поставленъ іерусалимскимъ патриархомъ Теофаномъ; но въ вопросѣ о прибавкѣ слова: „и огнемъ“ онъ не положилъ на его личное свидѣтельство, а просилъ его справиться вмѣстѣ съ другими патриархами въ старыхъ греческихъ книгахъ ¹⁾.

Я сказаль выше, что мое требованіе, измѣнить полемику съ старообрядцами, въ отношеніи къ занимаемому насъ пункту оставалось бы во всей своей силѣ и въ томъ случаѣ, если бы существующія свидѣтельства, что русскіе вплоть до патр. Никона смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на неизмѣнно и вполне сохраняющихъ чистоту православія древнихъ грековъ, имѣли бы значеніе дѣйствительныхъ свидѣтельствъ.

¹⁾ Что касается до обращенія патр. Іосифа съ вопросами къ константинопольскому патриарху, то см. объ этомъ въ моей статьѣ: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“, напечатанной въ февральской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ 1892-го года, стр. 300. — А слова патр. Іосифа въ посланіи къ датскому королевичу Вольдемару о согласіи въ вѣрѣ русскихъ съ греками (Памятники преній о вѣрѣ, стр. 117, 132 и 140) должны быть понимаемы въ томъ условномъ смыслѣ, который мы указали, т. е. что русскіе считали грековъ согласными съ собой въ вѣрѣ, насколько послѣдніе, сверхъ настоящихъ догматовъ вѣры, не расходились съ ними въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ. Тотъ же патр. Іосифъ, который говоритъ о согласіи въ вѣрѣ русскихъ съ греками, былъ рѣшительнымъ образомъ противъ греческаго троеперстія (и тому же королевичу Вольдемару говорилъ, что у насъ церковные чины и преданія на основаніи *древнихъ*, греческихъ книгъ, — *ibid.* стр. 26).

Тогда нужно было бы понимать дѣло такъ, что были русскіе, которые вплоть до самаго Никона смотрѣли на позднѣйшихъ грековъ, какъ на неизмѣнно соблюдающихъ чистоту православія древнихъ грековъ, и что были другіе русскіе, которые держались убѣжденія о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, и изъ среды которыхъ и возстали расколотчики. Такимъ образомъ, я могъ бы предложить полемистамъ противъ старообрядцевъ, такъ сказать, компромиссъ: доказывать бы справедливость своего требованія измѣнить полемику и въ то же время оставлялъ имъ (полемистамъ) помянутыя свидѣтельства, допуская, что они имѣютъ значеніе относительно большей или меньшей части дониконовскихъ русскихъ. Если я не нахожу возможнымъ остановиться на компромиссѣ и считаю нужнымъ доказывать, что свидѣтельства совсѣмъ (и въ отношеніи къ какой либо части дониконовскихъ русскихъ) не имѣютъ значенія: такъ это потому, что допущеніе компромисса было бы съ моей стороны завѣдомой фальшью, за которую мнѣ было бы стыдно, но отъ которой не было бы пользы полемикѣ, ибо не мной, такъ другими она была бы обнаружена. Оправдывая себя въ писаніи статей: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“, въ которыхъ доказываю необходимость измѣнить постановку полемики съ ними, я говорю, что иначе они заставятъ насъ сдѣлать это съ нашими же книгами въ рукахъ. Что касается до пункта полемики съ старообрядцами, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, то уже и въ настоящее время довольно некоротокъ списокъ нашихъ, т. е. принадлежащихъ нашимъ православнымъ писателямъ, книгъ, въ которыхъ утверждается и доказывается, что убѣжденіе въ поврежденности чистоты православія позднѣйшихъ грековъ было общимъ убѣжденіемъ дониконовскихъ русскихъ¹⁾.

Итакъ, происхожденіе раскола старообрядства должно быть объясняемо не личнымъ оскорбленнымъ отъ патр. Никона, самолюбіемъ трехъ—четырехъ протопоповъ, а тѣмъ, что дониконовскіе русскіе держались убѣжденія о позднѣй-

¹⁾ Въ числѣ книгъ можно указать и такія, которыя имѣютъ довольно давнюю „официальную“ апробацию.

шихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ. Сообразно съ симъ, измѣнивъ полемику съ старообрядцами относительно вопроса о происхожденіи раскола, должно доказывать имъ, что убѣжденіе дониконовскихъ предковъ нашихъ относительно позднѣйшихъ грековъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, было совершенно неосновательно и совершенно несправедливо.

Я знаю, что съ моимъ представленіемъ дѣла о происхожденіи раскола старообрядства я вдвойнѣ или двоякимъ образомъ вооружаю противъ себя полемистовъ. Во-первыхъ, тѣмъ, что, предлагая новый взглядъ на происхожденіе раскола противъ того взгляда, котораго они держатся, я оскорбляю ихъ личное самолюбіе; во-вторыхъ, тѣмъ, что, придавая происхожденію раскола нѣсколько большій смыслъ, нежели какой имѣетъ оно по ихъ представленію, я дѣлаю болѣе трудною въ данномъ случаѣ полемику съ старообрядцами, чѣмъ это теперъ. Относительно личнаго самолюбія, которое не хочетъ пожертвовать собою высшему интересу дѣла, я ничего не могу сказать, кромѣ того, чтобы посоветовать ему, не мстить за свое оскорбленіе такимъ недостойнымъ образомъ, какъ инсинуаціи и клеветы. Что касается до болѣе трудности полемики при моемъ представленіи дѣла, то до нѣкоторой степени это правда. Говорить старообрядцамъ, что-де вашъ расколъ возникъ изъ-за того, что патр. Никонъ прогналъ отъ себя протопоповъ Іоанна Неронова и Аввакума, навязывавшихся ему въ совѣтники, очень легко; а доказывать старообрядцамъ, что мнѣніе дониконовскихъ русскихъ о поврежденности православія позднѣйшихъ грековъ, которое составляло дѣйствительную причину возникновенія раскола, было совершенно неосновательно и совершенно несправедливо, конечно, нѣсколько труднѣе. Но что же дѣлать, если болѣе справедливое иногда оказывается и болѣе труднымъ. Мнѣніе, будто расколъ старообрядства возникъ изъ-за оскорбленнаго самолюбія двухъ протопоповъ, не только несправедливо, но въ настоящее время вовсе и не имѣетъ уже адептовъ, за исключеніемъ профессиональныхъ полемистовъ, которые держатся за него ради его такъ сказать полемической доброкачественности. И хотя съ того времени, какъ преосв. Макарій поддержи-

валь его въ послѣдній разъ, прошло не болѣе 13-ти лѣтъ ¹⁾, но и въ эти 13-ть лѣтъ по отношенію къ нашему вопросу утекло много воды, такъ что въ настоящее время отстаивать это, завѣдомо несправедливое, мнѣніе, значитъ собственно лишь выказывать упорство, достойное лучшей участи. При томъ же бѣлая трудность полемики при новомъ представленіи дѣла о возникновеніи раскола старообрядства не Богъ знаетъ какая, а главное—профессіональный полемистъ во всякомъ случаѣ долженъ быть въ состояніи доказать старообрядцамъ, что это мнѣніе о поврежденности чистоты православія у позднѣйшихъ грековъ, кому бы оно не принадлежало и когда бы не возникло, есть мнѣніе совершенно неосновательное и совершенно несправедливое.

Расколъ старообрядства возникъ у насъ изъ-за того, что дониконовскіе предки наши держались убѣжденія о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ. Именно — дѣло было такъ, что патр. Никонъ, признавъ сейчасъ указанное убѣжденіе неосновательнымъ и несправедливымъ, предпринялъ свое исправленіе церковныхъ чиновъ и обрядовъ и богослужебныхъ книгъ, состоявшее въ томъ, чтобы относительно чиновъ, обрядовъ и книгъ привести насъ въ согласіе съ современными ему греками, и что, тогда какъ за Никономъ послѣдовало большинство русскаго общества, нашлись въ послѣднемъ отдѣльные люди, которые не перемѣнили убѣжденія и которые поэтому и подняли протестъ противъ Никонова исправленія. Такимъ образомъ, въ полемикѣ съ старообрядцами, необходимо доказывать, что убѣжденіе дониконовскихъ русскихъ о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, было совершенно неосновательно и несправедливо.

Но дониконовскіе русскіе составили себѣ убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, въ слѣдствіе того, что произошло разрозненіе между нами и ими въ обрядахъ и обы-

¹⁾ XII томъ Исторіи, въ которомъ о патр. Никонѣ, оконченъ преосв. Макаріемъ въ началѣ 1882-го года.

чаяхъ церковныхъ: все, чѣмъ они разрознились съ нами, было у насъ признано за ихъ погрѣшительныя и еретическія новшества (почему и составлено было указанное о нихъ мнѣніе, какъ объ утратившихъ будто бы чистоту православія древнихъ грековъ). Такимъ образомъ, въ полемикѣ съ старообрядцами необходимо доказывать, что разрозненіе грековъ съ нами или собственно — насъ съ греками означало вовсе не отступленіе послѣднихъ отъ чистоты православія древнихъ грековъ, а нѣчто совсѣмъ другое.

Относительно перваго пункта я доселѣ не исполнилъ моего обѣщанія написать нарочитую статью о неповрежденности православія у позднѣйшихъ грековъ, а относительно втораго пункта доселѣ не исполнилъ обѣщанія написать нарочитую статью о значеніи обрядовъ и обычаевъ церковныхъ. Не исполнилъ я обѣщаній отчасти потому, что отвлеченъ былъ другимъ дѣломъ, отчасти же, говоря правду, потому, что начавшіяся противъ меня нехорошія инсинуаціи отвратили меня отъ настоящаго дѣла. Впрочемъ, ни въ одной ни въ другой моей статьѣ я бы не имѣлъ сказать чегонибудь особеннаго, что не было бы доступно и кому либо другому. Обвиняя позднѣйшихъ грековъ въ уклоненіи отъ чистоты православія древнихъ грековъ, дониконовскіе предки наши утверждали, съ одной стороны, то, будто бы греки эти приняли латинскія ереси, а съ другой стороны—то, будто бы повредили вѣру у нихъ турки. Несправедливость перваго обвиненія доказывается исторіей и сличеніемъ мнимыхъ новшествъ позднѣйшихъ грековъ съ обрядами и обычаями латинской церкви, а нелѣпость втораго обвиненія доказывается простымъ здравымъ разумомъ (которому можетъ оказать помощь и Книга о вѣрѣ своими, направленными противъ латинянъ, рѣчами о неповрежденности православія у позднѣйшихъ грековъ). Что касается до обрядовъ и обычаевъ церковныхъ, именно—что несправедливо приравнивать ихъ къ догматамъ вѣры,—что въ разныхъ церквахъ они могутъ быть и дѣйствительно были различныя,—что съ теченіемъ времени они могутъ измѣняться и дѣйствительно измѣнялись: то свѣдѣнія объ этомъ доставляетъ и доказательства этого представляетъ церковная археологія.

Я не опровергалъ возраженій о. Ледовскаго противъ на-

писаннаго мной въ моихъ статьяxъ: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“ пунктъ за пунктомъ потому, что не находилъ этого нужнымъ; и если онъ вздумаетъ укорять меня за это, то не буду ему отвѣчать, а безпристрастнаго читателя, желающаго убѣдиться въ неосновательности тѣхъ возраженій о. Ледовскаго, которыхъ я не опровергаю, прошу взять на себя трудъ читать помянутыя мои статьи.

Р. С. Редакторъ „Братскаго Слова“ продолжаетъ своими и чужими устами лжесвидѣтельствовать на меня, будто статьи „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“ писаны мною въ защиту раскола и противъ православій церкви ¹⁾. Но наконецъ, если бы статьи писаны были мною въ защиту раскола и противъ православной церкви, то могъ ли бы я быть согласенъ съ Учебнымъ Комитетомъ при св. Синодѣ и съ самимъ св. Синодомъ? А между тѣмъ это есть такъ. Я говорю, что у насъ съ половины XV вѣка составилось убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, по поводу чего написана моя настоящая статья; но тоже самое говоритъ Программа ученія о Русскомъ расколѣ, выданная Учебнымъ Комитетомъ при св. Синодѣ для семинарій. Въ отдѣлѣ о важнѣйшихъ причинахъ, подготовившихъ расколъ въ Русской церкви, находится въ ней параграфъ, посвященный одной изъ этихъ важнѣйшихъ причинъ: „в) *Горделивое и преувеличенное мнѣніе русскихъ книжниковъ о значеніи православной Русской церкви* и неповрежденности ея не только въ ученіи, но и въ обрядахъ, соединенное съ презрительнымъ отношеніемъ не только къ иновѣрцамъ, но и къ единовѣрнымъ грекамъ. Историческія объ этомъ свидѣтельства. Усиленіе подозрѣній относительно мнимаго неправославія грековъ со времени Флорентійскаго собора и взятія турками Константинополя: Сказаніе о Тихвинской иконѣ; повѣсть о бѣломъ клубукѣ, и др.“ Расходясь съ прежними полемистами противъ раскола и поправляя ихъ, я говорю, что патр. Никонъ предпринялъ свое исправленіе нашихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ и богослужеб-

¹⁾ См. вышедшія книжки „Братскаго Слова“ за нынѣшній 1895-й годъ

ныхъ книгъ съ цѣлію привести эти чины, обряды и книги въ согласіе или къ единству съ чинами, обрядами и книгами современной ему (а не древней, какъ утверждалось прежде) церкви греческой; но тоже говорить и св. Синодъ въ своемъ „Изъясненіи о содержащихся въ полемическихъ противъ раскола сочиненіяхъ прежняго времени порицаніяхъ на именуемые старые обряды“, изданномъ въ 1886-мъ году. Въ Изъясненіи читается, что при патр. Никонѣ предпринято было у насъ исправленіе богослужебныхъ книгъ между прочимъ съ тою цѣлію, „дабы чины и обряды церкви російской привести въ согласіе съ общеупотребляемыми въ православной восточной церкви“ ¹⁾. По поводу негодованія на меня со стороны редактора „Братскаго Слова“ и другихъ за указаніе новаго свидѣтельства о двоеперстіи, которое будто бы наноситъ ущербъ нашей полемикѣ съ старообрядцами, я далъ объясненіе въ моемъ отвѣтѣ о. протоіерею І. Г. Виноградову, напечатанномъ въ августовской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ за 1893-й годъ ²⁾.

Е. Голубинскій.

¹⁾ См. Изъясненіе въ августовской книжкѣ „Православнаго Обзорнія“ за 1886-й годъ.

²⁾ Послѣднія лжесвидѣтельства на меня со стороны редактора „Братскаго Слова“, будто мои статьи „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“, я писалъ въ защиту раскола и противъ православной церкви, вызваны тѣмъ, что меня цитуетъ (цитируетъ) авторъ одной раскольничьей полемической книги. Но авторъ книги цитуетъ вовсе не одного меня, а весьма многихъ православныхъ писателей (съ митр. Филаретомъ во главѣ) и между другими и самого г. Субботина. Меня авторъ цитуетъ или въ подкрѣпленіе своихъ рѣчей невраждебныхъ церкви (не представляющихъ собою рѣчей прямо полемическихъ), лишь для приданія книгѣ цитатами вида учености, или же, если враждебныхъ, то—недобросовѣстно извращая и передѣлывая меня.